

Д. У. Сапалова

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ ЯКУТОВ И КЫРГЫЗОВ

*Работа представлена кафедрой литературы и культурологии
Дальневосточного государственного гуманитарного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор П. Я. Гонтмахер*

В статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа этнографических материалов, лингвистических данных рассматривается свадебная обрядность якутов и кыргызов. Приводятся этнографические параллели в формах заключения брака, свадебном церемониале, системе родства, свидетельствующие об этнокультурных взаимодействиях предков исследуемых народов.

Ключевые слова: культура, обряд, формы брака, свадебный церемониал, система родства.

D. Sapalova

MARRIAGE RITUALISM AS A SOURCE OF STUDY OF THE ETHNOCULTURAL RELATIONS BETWEEN THE YAKUT AND KYRGYZ PEOPLE

Marriage ritualism of the Yakut and Kyrgyz people is considered in the article on the basis of the comparative analysis of ethnographic materials and linguistic facts. The author presents the ethnographical parallels in marriage forms, marriage ceremonials and the system of relationship, which testify to the ethnocultural interactions of the ancestors of the peoples under investigation.

Key words: culture, rite, marriage forms, marriage ceremonial, system of relationship.

Для освещения вопросов традиционной культуры несомненную ценность представляют этнографические материалы по свадебной обрядности. Этнокультурные связи якутов и кыргызов в исторической науке представлены фрагментарно, поэтому сопоставление отдельных обрядовых элементов позволит выявить их общие черты и различия.

Брачные отношения изучаемых народов имеют одинаковую основу, выраженную в соблюдении родовой экзогамии. Согласно экзогамным правилам, браки между представителями одного рода не допускались, что является исторически обоснованным и необходимым условием генетического здоровья этноса. Обычное право у кыргызов допускало браки между потомками одного предка по мужской линии не ближе чем в седьмом поколении [1, с. 216], у якутов – не ближе чем в четвертом.

Об единой обрядовой основе свидетельствует и существование основных форм заключения брака, которые можно подразделить на

браки по сватовству и браки путем похищения невесты (умыкание).

К бракам по сватовству относится просватывание еще не родившихся детей и обычай обручения малолетних, брак путем обмена невесты и брак с отработкой. Существовали также своеобразные внебрачные отношения, допускавшиеся обычаями. Они представляли собой пережитки особых форм брака, такие как левират, когда младший брат должен был жениться на вдове умершего старшего брата, и сорорат, когда мужчина женился после смерти жены на ее родных или двоюродных сестрах. Подобные формы внебрачных отношений были отмечены у изучаемых народов вплоть до начала XIX в.

Весьма распространенной формой заключения брака в прошлом у якутов и кыргызов было просватывание родителями еще не родившихся детей (у якутов – *быласыы*, у кыргызов – *бел куда*) и обычай помолвки малолетних, часто даже находившихся в колыбели (у якутов – *бисиктээ кэпсэтии*, у кыргы-

зов – *бешик куда*). В основном обручали детей в возрасте от одного до десяти–одиннадцати лет. Иногда пяти–шестилетние дети – будущие супруги – росли и воспитывались вместе, как брат и сестра. Обручение малолетних диктовалось стремлением двух семей заключить родственный союз, облегчением выплаты калыма, которая растягивалась на более длительное время, а также заботы родителей невесты о приготовлении приданого. Необходимо заметить, что обручение малолетних не всегда имело благополучный исход. Часто возникали споры и тяжбы по поводу уплаченного калыма и полученного приданого, так как обрученные дети, будучи взрослыми, отказывались соединять свои судьбы [6, с. 17]. С. М. Абрамзон полагает, что практика сговоров о браке неродившихся или малолетних детей являются «дериватами древнейших форм брака – кузенных браков» [1, с. 226].

Особую форму заключения брака представлял собой так называемый брак по обмену, т. е. обмен родственницами. У кыргызов он назывался *кайчы куда* (досл.: «перекрестные сваты»), у якутов – *абаһын уңуобун төнүннэриги* (досл.: «возвращение костей сестры»). Основанием заключения такого брака было закрепление родственного союза между семьями или родами, позднее обмен девушками происходил уже с целью уменьшения материальных затрат на свадьбу. К такой форме брака часто прибегали бедняки, которые стремились избежать уплаты калыма. От калыма они также могли освободиться, отработав в доме тестя в течение двух–трех лет.

К умыканию (*күрэтии* – як., *ала качуу* – кырг.) вынуждены были прибегать в тех случаях, когда молодой человек был не уверен в согласии родителей невесты или если не хватало средств на калым. Похищение совершалось, как правило, с согласия невесты.

Якутам и кыргызам, как и другим народам Сибири, Средней Азии и Кавказа, были известны также браки с насильственным похищением невесты. В настоящее время у якутов данный вид бракосочетания себя полностью изжил, а у кыргызов сохранился вплоть до этнографической современности. В большинстве случаев кыргызская девушка

соглашается на вынужденный брак, так как она оказывается перед дилеммой: либо вернуться в родительский дом, переступив через пожилую женщину, легшую на порог, и быть проклятой ею, либо за ней на всю жизнь закрепляется презрительный ярлык «побывавшая замужем» (*«бир куйөөдөн чыккан кыз»*).

Непременным условием заключения всех форм брака у обоих народов была уплата калыма, которая рассматривалась как компенсация за рабочие руки в хозяйстве, потерянные родителями невесты. С. М. Абрамзон считает, что раньше калым уплачивался не семье или отцу девушки, а целой родовой группе, к которой она принадлежала, и лишь позднее – более узкому кругу родственников, а потом только ее отцу. В свою очередь, уплата калыма тоже не была делом одного отца, а целой группы родственников [1, с. 218]. Аналогичная выплата калыма была присуща и якутам. По сообщению М. Игнатъевой, «калым помогали выплачивать родственники как по отцовской, так и по материнской линии. Для этого глава семьи собирал на совет свою родню, устраивал им угощение и обращался к ним с просьбой уплатить калым. Приглашенные объявляли размер своего взноса (лошадь, корова, подарки вещами) в зависимости от степени родства и имущественного положения. Таким образом, род помогал выплачивать калым» [2, с. 117–119]. В состав калыма обязательно входил скот, позднее – деньги.

Если сторона жениха имела расходы на калым, то сторона невесты готовила приданое, которое состояло из собственно приданого – *эньэ* (як.), *энчи* (кырг.); личных вещей невесты (одежда, украшения); подарков родне мужа – *кэһии* и *бэлэх* (як.), *кийит* и *белек* (кырг.).

Традиционный свадебный цикл якутов и кыргызов так же, как и у других народов, состоял из трех больших комплексов:

1) предсвадебного периода, включавшего выбор невесты и сватовство, во время которого достигалась предварительная договоренность;

2) собственно сговора – соглашения роднящихся сторон о браке и установление его экономических условий, в частности величины брачной платы;

3) помолвки – закрепления договора о браке [3, с. 60].

В предсвадебный период посылались сваты. Прибыв в дом невесты, они не сразу заговаривали о цели своего визита, лишь только после чаепития вручали подарок отцу невесты – *уос аһар* (як.), *ооз ачар* (кырг.) (букв: «раскрытие уст») – деньгами или скотом. Прием подарка означал согласие родителей. Во время сговора договаривались о размере и сроках уплаты калыма и о проведении свадебного торжества. Следовавший затем приезд родителей юноши включал в себя уже элементы помолвки.

В период между помолвкой и свадебным пиром происходила уплата калыма и подготовка приданого. В это время жених мог посещать невесту в доме ее отца. Этот обычай назывался у якутов *күтүөттүүр*, у кыргызов – *күйөөгө баруу*.

В назначенный день у обоих народов свадьба устраивалась в доме невесты и заканчивалась ее отъездом. Жених, увозя невесту из отцовского дома, оставлял родителям кобылу как плату за материнское молоко, называемую у якутов *оҕо оннугар көрөр кэсии* («скотина, данная вместо дитяти»), у кыргызов – *сүт акы* («плата за молоко»).

Невесту у обоих народов в дом жениха привозили с закрытым лицом. Для этого к ее головному убору прикрепляли кусок белой ткани, называвшийся у кыргызов *бүркөнчөк* (якутское *бүрүн* и кыргызское *бүркөн* означают «укрываться»). В день прибытия невесты у якутов совершался обряд приобщения к домашнему очагу семьи мужа, во время которой она угощала духа-хозяина огня и просила благословения. После этого совершалась церемония «открывания лица» невесты. У кыргызов же, перед тем как зайти в дом, новобрачные в целях ритуального очищения и освящения их будущей совместной жизни один–три раза обходили костер, затем невеста угощала топленным маслом духа-хозяина огня.

Обряд «открывания лица» невесты у кыргызов совершался на третий день.

Самым последним этапом свадебного церемониала был обряд возвращения невесты в родительский дом – у якутов *төркүттүү*, у кыргызов – *төркөлөттүү*. Обычно это происходило по истечении определенного времени, чаще всего после рождения первого ребенка.

Таким образом, мы видим, что почти все этапы сложного свадебного церемониала якутов и кыргызов совпадают не только по названию, но и по содержанию.

Этнокультурная общность якутов и кыргызов продолжается и при сравнении терминов родства по браку, позволяющая выделить общий лексический пласт: сын – *уол* (як.), *уул* (кырг.); девочка, дочь – *кыыс* (як.), *кыз* (кырг.); младший брат – *ини* (кырг., як.); дядя со стороны матери – *таай* (як.), *тай* (кырг.); внук, племянник – *сиэн* (як.), *жээн* (кырг.); старший брат отца – *абага* (як.), *аба* (кырг.); свояк – *бадья* (як.), *бажа* (кырг.); младшая сестра жены, свояченица – *күрү балыс* (як.), *балдыз* (кырг.); двоюродные братья и сестры – *бөлэ* (як.), *бөлө* (кырг.); сестра – *эже* (кырг.), *эдий* (як.); бабушка – *эбэ* (як.), *энэ* (кырг.); госпожа, хозяйка, женщина – *хотун* (як.), *катын* (кырг.); мужчина – *эр-киси* (як.), *эркек киши* (кырг.).

Совпадение многих обрядов свадебного ритуала якутов и кыргызов исследователи объясняют тем, что предки этих народов имели тесные этногенетические и этнокультурные контакты со времен предтюркского периода (первая половина 1-го тыс. н. э.), а в древнетюркскую эпоху (вторая половина 1-го тыс. н. э.) в формировании предков этих народов активное участие принимали одни и те же этнические компоненты [6, с. 57–58].

На основании вышеизложенного сравнительно-сопоставительного материала можно констатировать этнокультурную близость якутов и кыргызов, подтверждаемую языковыми, фольклорными, этнографическими материалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
2. *Игнатьева М. К.* Вопросу о выкупном браке по обычному праву якутов // Полярная звезда. 1983. № 2. С. 117–119.

ИСТОРИЯ

3. *Лобачева Н. П.* Что такое свадебный обряд? (опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности) // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 55–64.
4. *Слепцов П. А.* Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX– нач. XX в.). Якутск: Якутское кн. изд-во, 1989. 159 с.
5. *Фиельструп Ф. А.* Из обрядовой жизни киргизов нач. XX в. 2-е изд. М.: Наука, 2002. 300 с.
6. Энциклопедия Якутии / редкол.: Ф. Г. Сафронов [и др.]. М., 2000. 540 с.